

Елена Юрьевна Дубровская

**старший научный сотрудник сектора
истории Института языка, литературы и
истории Карельского Научного Центра РАН,
доцент Петрозаводского
Государственного университета,
кандидат исторических наук**

Петрозаводск

Революция 1917 г. в России и Гражданская война в исторической памяти населения Карелии*

Автор исследует механизм формирования коллективной памяти жителей карельского приграничья после революции в России 1917 г. Она использует воспоминания очевидцев о событиях революционных потрясений, военной интервенции и Гражданской войны 1918–1920 гг. В период общественно-политических перемен в Олонецком крае и Кемском уезде Архангельской губернии происходила массовая дестабилизация социальной идентичности людей. В индивидуальной и коллективной памяти жителей нашли отражение их тогдашние эмоциональные реакции в условиях экстремальных ситуаций, становившихся повседневностью. Эти мифы и представления, воспринимавшиеся как достоверные воспоминания, сыграли важную роль в складывании и поддержании коллективной идентичности жителей Российской Карелии.

Ключевые слова: отечественная история, карельское приграничье, Олонецкий край, коллективная память, февральская революция, октябрьская революция, гражданская война, мемуары, воспоминания, Петрозаводск, Беломорская Карелия, Карельское Поморье, общественно-политические перемены.

В переломный для Российского государства период революции 1917 г. и Гражданской войны территория современной Республики Карелия была вовлечена в орбиту международной политики. Прежде всего, в сферу интересов Германии и Финляндии, а также Англии, Франции и Америки – недавних союзников России по антигерманской коалиции в Первой мировой войне. С заключением в начале марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора между Германией и Советской Россией последняя все же не осталась в стороне от продолжавшейся мировой войны. Поменялся ее противник, преследовавший свои интересы на северо-западе бывшей российской империи – Великобритания, и вчерашние союзницы – страны Антанты – оказались врагами [22]. Весной 1918 г., на завершающем этапе мировой войны, после выхода из нее России и обретения независимости Финляндией, Карелия из тылового и относительно стабильного района начала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем оказалась одним из первых очагов военной интервенции и Гражданской войны на Севере России.

Мемуары очевидцев о событиях военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920 гг.) позволяют исследовать память «эмоционального сообщества» населения карельского приграничья. В период революционных потрясений 1917 г. и общественно-

---

* Работа выполнена в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

политических перемен в Олонецком крае и Кемском уезде Архангельской губернии происходила массовая дестабилизация социальной идентичности людей. В индивидуальной и коллективной памяти городских и деревенских жителей нашли отражение их тогдашние эмоциональные реакции в условиях экстремальных ситуаций, становившихся повседневностью – страх и ненависть к «чужому», переживание голода, боли, потери устоявшихся ориентиров, ностальгии по утраченному «своему» традиционному укладу жизни.

Исследование процесса мифотворчества в Карелии в раннесоветский период и образов военного времени, сложившихся в представлениях военнослужащих и гражданского населения края, высвечивает одну из основных «болевых точек» в истории ментальности северян первой трети XX столетия. Война и порожденная ею российская революция 1917 г. выступают как события, получившие статус «поворотных моментов истории», с которых начиналась новая эпоха и которые маркировали полный разрыв с прошлым. К этому времени в обществе уже не оставалось поколения, не отравленного войной. Если в начале века жители края имели представление о «военном лихолетье» в карельском приграничье лишь по легендам и преданиям, а Первая мировая война непосредственно коснулась далеко не всех, то ко времени Гражданской войны и интервенции своя память о нем была у каждого. Это облегчало властям осуществление дальнейшей милитаризации городского и сельского сообщества в 1920–1930-е гг.

На общероссийском материале проблемы социальной и культурной памяти рассмотрены в работах С. Ю. Малышевой, которая в Казани занимается изучением мифологизации революционного прошлого через праздничную культуру первых лет советской власти [29], петербургского историка Б. И. Колоницкого, ведущего специалиста в изучении политической культуры 1917 г. [27], московских ученых В. П. Булдакова [13], Л. П. Репиной [37], М. Ф. Румянцевой [39], И. Е. Козновой [26], челябинского исследователя И. В. Нарского [32], [33] и др.

Вопросам изучения совокупности идей и образов, отражающих специфику восприятия, осмысления и оценки прошлого, связи прошлого, настоящего и будущего, глубины и вектора исторической памяти (памяти о прошлом) как универсального способа построения идентичности, сегодня уделяется достаточно внимания специалистами по раннесоветской истории Карелии. Следует назвать работы А. В. Антощенко и В. В. Волоховой, М. А. Витухновской-Кауппала, Л. Е. Терещенкова, С. Н. Филимончик [9], [19], [18], [40], [43].

Воспоминания участников политических событий, неразрывно связанных с революцией 1917 г., с Первой мировой и Гражданской войнами, позволяют проследить, насколько глубоким оказался раскол в традиционном карельском обществе, какие из черт прежнего патриархального уклада остались неизменными, а какие стороны повседневной жизни карелов подверглись трансформации под влиянием иноэтничного русского и финского окружения и массового возвращения фронтовиков в родные деревни в 1918–1919 гг.

До начала революции жизнь крестьянского мира приграничных уездов Олонецкой и Архангельской губ., составлявшего подавляющее большинство населения Российской Карелии, регулировалась традицией и обычаями. Кемский уезд Архангельской губ. (Беломорская Карелия и Карельское Поморье) оставались глухой провинцией империи. Поэтому все общероссийские политические процессы отражались на общественной жизни края в более умеренных формах не только по сравнению с центральными районами России, но и с уездами Олонецкой Карелии, которые издавна сохраняли экономические связи с российской столицей.

Во многом этому способствовали отдаленность северо-карельского приграничья от губернского центра в Архангельске, недостаточность, а зачастую и полное отсутствие, путей сообщения и транспорта, слабое распространение информации, языковой барьер и т.д. Однако политические перемены Февраля 1917 г. в центре страны неизбежно должны были взорвать общественное спокойствие в карельской глубинке. Жители Российской Карелии встретили Февральскую революцию 1917 г. с надеждой на скорое прекращение мировой войны, на проведение назревших преобразований в жизни городов, сел и деревень [21].

В населенном русскими Карельском Поморье война более ощутимо вторгалась в сельскую и деревенскую повседневность. По свидетельству современника, в 1916 г. в поморском селе Сорока (совр. г. Беломорск) бросалось в глаза, «в отличие от деревень, обилие молодых мужчин», поскольку здесь было «много пленных и рабочих из других губерний». В Сороке «выросла гостиница, прилетел кинематограф, появились лавки, пекарни», однако вслед за этими изменениями общественной жизни обнаружились и шокировавшие население приметы нового времени: бытовые преступления и лишения, вызванные военной обстановкой: «Ограблен магазин, убита торговка пивом... Объявлено военное положение...Отсутствие предметов первой необходимости. Дороговизна, спекуляция...»¹ [41, С. 286]. Воспоминания очевидцев об обстановке в Олонецкой губ. весной 1917 г. контрастируют с описаниями дореволюционного «безвременья»: «В деревне, так же как и в городе, время текло быстро, подобно воде разлившейся реки в весеннее половодье» [4, Л. 12]. По словам одного из авторов воспоминаний, С. С. Ракчеева, уроженца вепсской д. Наумовская Шелтозерско-Бережной волости Петрозаводского уезда, «как магнитом тянуло людей» к дому, где находился фронтовик. «Нельзя не упомянуть того, что на деревенских улицах после долгого отсутствия появились вепские парни: то пехотинцы, то моряки, то артиллеристы» [4, Л. 3].

В Петрозаводск, губернский центр Олонецкого края, остававшийся тихим и провинциальным городом, известия о февральских событиях в российской столице и об отречении Императора Николая II приходили с опозданием, «поначалу лишь в виде слухов, иногда противоречивших друг другу» [28, С. 428–429]. Как и повсюду, пытаясь скрыть от населения известия об обстановке в Петрограде, местные власти предопределили многое из

---

¹ Бубновский М. В глубоком тылу // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1916. № 5. С. 187–198.

того, что впоследствии будут связывать с началом «русской смуты». Современники назовут события весны 1917 г. «эсеровской революцией».

Никогда полностью не публиковались написанные в 1950-х гг. воспоминания И. В. Матвеева, путиловского рабочего, в прошлом крестьянина Пудожского уезда, который в 1918 г. стал одним из организаторов красноармейских отрядов в Олонецкой губ. В той части его воспоминаний, которая не вошла в сборники, приуроченные к юбилейным датам революционных событий, есть упоминание о том, что весной 1917 г. «представители партии большевиков или выбыли из города, или были взяты в армию». В связи с этим в авторском повествовании чувствуется оттенок сожаления: «Поэтому Февральская революция прошла в городе Петрозаводске бескровно и под влиянием меньшевиков, эсеров и кадетов», поскольку «в 1917 г. выступления рабочих проходили под влиянием этих партий» [5, Л. 19].

Жители с. Ухта Кемского уезда (совр. пос. Калевала) узнали о происходившем в Петрограде только 7 марта. Как вспоминал очевидец, сюда «ранее доходили кое-какие слухи вроде тех, что в столице бунтуют женщины и пропал царь». По словам архангельского епархиального наблюдателя Н. Д. Козьмина, свидетельствовавшего о скорых переменах в жизни отдаленной поморской глубинки, провинция «быстро по-своему реагировала на события в государстве»¹.

Изменения, которые произошли в 1917 г. в традиционном укладе жизни карельской деревни, уездных городов и губернского Петрозаводска, исследованы на основе как опубликованных, так и неопубликованных, прежде всего, архивных, источников. К первым относятся выходившие в 1932, 1957 и 1963 гг. сборники воспоминаний участников революции и Гражданской войны 1918–1920 гг. в Карелии [15], [14], [8]. Особый интерес представляют хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН многочисленные подготовительные материалы к этим публикациям. Значительная часть рассказов о революции и Гражданской войне, собранных в 1930-е, послевоенные и в 1950-е гг., так и не увидела свет из-за того, что их содержание слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране.

В частности, записанные не ранее 1927 г. воспоминания А. Ф. Кожевникова, бывшего секретаря губернского правления, который в первые мартовские дни 1917 г. входил в президиум петрозаводского комитета общественной безопасности (КОБ). Позже, весной-летом 1917 г. он был назначен сначала уездным, а потом и губернским комиссаром Временного правительства [24, С. 352–353], [25, С. 131–142], [35, С. 163]. Рассказ о тогдашних событиях в Петрозаводске и в губернии Кожевников, несмотря на свой прежний высокий пост, построил в соответствии с уже сложившейся традицией повествования о «дооктябрьском периоде» российской революции 1917 г. [6, Л. 1-3]. Из его воспоминаний явствует, что комитет общественной безопасности «сколотили наскоро из представителей разных организаций и учреждений», «на первых порах он собирался довольно часто и до известной степени действовал». Однако «в мае уже трудно было созвать собрание, а потом о нем и совсем забыли»: ведь рядом с ним возникла «революционная организация – Совет

---

¹ Архангельские епархиальные ведомости. 1917. 1 июня. С. 172.

солдатских и рабочих депутатов», которая «чрезвычайно быстро развивалась и крепла». По утверждению автора воспоминаний, этот созданный в середине марта новый орган народовластия действовал под руководством возвращавшихся солдат-фронтовиков и посланцев мятежного Петрограда, которые привозили с собой «организационный опыт и революционный пыл» [6, Л. 1].

Как в 1920-е–1930-е, так и позже, в 1950-е–1980-е гг., события, которые предшествовали приходу большевиков к власти, на страницах многих воспоминаний предстают малозначительными и служат лишь фоном для «судьбоносных» перемен будущего.

Нельзя не согласиться с исследователем проблем исторической памяти И. В. Нарским, отметившим среди результатов «принудительно-модернизационного опыта» 1914–1916 гг. то обстоятельство, что русская армия воспитала множество врагов «устаревшего» сельского образа жизни. Фронтовики, мечтавшие в окопах отомстить тыловым «предателям» и «трусам», уже к началу 1917 г. понимали восстановление справедливости как наведение порядка и принуждение «необстрелянных» соотечественников к дисциплине на военный лад. Инициированное ими превращение тыла во фронт вскоре отозвалось беспримерной жестокостью в отношении крестьянства в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» [31, С. 500].

Тем же отличалась обстановка в уездных городах и волостных центрах. Как иронично свидетельствовал А. Ф. Кожевников, с. Ладва Петрозаводского уезда «демонстративнее всех других отпраздновала падение самодержавия, предав всенародному сожжению портрет Николая II и избив, в знак признательности, своего старшину, правившего волостью двадцать лет» [6, Л. 2].

По наблюдению Б. И. Колоницкого, политический переворот 1917 г. повсеместно сопровождался «символическим переворотом»: в дни революции портреты Царей и членов Императорской фамилии намеренно «оскорблялись», снимались и уничтожались. Борьба же с символами «старого режима», (к которым, по-видимому, ладвинцы причислили не только царский портрет, но и «верного слугу самодержавия»), могла включать и элементы деревенской магии для решения политических и бытовых проблем сельчан. После переворота эта практика стала безопасной и, соответственно, массовой [27, С. 132 – 134].

Несмотря на то, что отдельные эпизоды из биографии Кожевникова, «неудобные» с точки зрения тогдашней официальной трактовки революционных событий, подвергаются им табуированию, его воспоминания все же представляют собой ценный исторический источник. В них сохранились примечательные факты, связанные с исключительной информированностью автора как лица, облеченного высшей официальной властью в Олонецкой губернии. Из его воспоминаний, в частности, можно узнать, что во время Февральской революции «тюрьмы в губернии пустовали», что в Петрозаводске под арестом находилось лишь 30 чел., а в г. Олонце – всего трое, поскольку из-за постоянных мобилизаций в действующую армию «поставщик преступного элемента – мужчины – отсутствовали» [6, Л. 2].

Однако стремительный развал государственной машины в продолжавшей воевать стране был чреват серьезными опасностями. Важно было не допустить на местах роста анархии и беззакония. В середине марта рассматривался вопрос о преобразовании полиции в милицию, и в апреле началось формирование «народной» милиции в Петрозаводске¹ [42, С. 29–30].

По воспоминаниям очевидца и участника создания петрозаводской милиции И. М. Никитина, ее начальником был назначен петрозаводский старожил из дворян, земский служащий Р. Л. Прушевский. Горожане знали его также по должности начальника городской добровольной пожарной дружины, «бегающего с трубой в руках при возникновении пожара». Как и мемуары уроженца Петрозаводска архитектора А. М. Митрофанова [30, С. 71–77], рассказ И. М. Никитина содержит весьма ироничное описание представителей «досоветской» власти. Так, по его словам, весной 1917 г. «самого Прушевского можно было видеть, прихрамывая бегающим, растерявшимся, по городу от милиции к комитету общественной безопасности, то к губернскому комиссару Временного правительства и другим учреждениям в фуражке с красным околышем. Право на ношение такой фуражки давалось только дворянам»¹.

Растеряться начальнику милиции было от чего. С исчезновением в течение нескольких дней прежних устоявшихся взаимоотношений властных структур повсюду в стране стала проявляться тяга к вседозволенности и анархии, пробудились темные человеческие инстинкты. Ухудшилась криминогенная обстановка и в Петрозаводске. По свидетельству автора воспоминаний, в это время положение в городе «становилось очень напряженным, разгул уголовного элемента принимал большие размеры». Город потрясли известия о злодеяниях на Зареке (отдаленный район двадцатитысячного города): об убийстве грабителями торговца на собственном огороде и семьи Михайловых из трех человек, о расправе над сторожем артиллерийского полигона Александровского завода «Проба»¹.

Эйфорическое чувство радости, охватившее горожан весной 1917 г., соседствовало у людей с тревогой за будущее. Среди знакомых объектов городской среды, воспринимавшихся по-новому жителями губернского города, разворачивались события, связанные с «перекодировкой» пространства в условиях революционного времени. Между тем в воспоминаниях бывших фронтовиков отмечалось «отсутствие перемен» в родной карельской глубинке. Это воспринималось ими как досадный анахронизм и требовало «исправления».

Так, в августе 1917 г. «Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих», издававшиеся в столице бывшего Великого княжества Финляндского Гельсингфорсе (Хельсинки), опубликовали письмо военнослужащего И. Галкина, командированного в Петрозаводский уезд Олонецкой губ. Его заметка о посещении родных

---

¹ Олонецкое утро. 5, 11 марта. 1917.; Известия петрозаводского комитета общественной безопасности. 16 марта. 1917.

¹ *Никитин И. М.* Первые шаги карельской милиции // Научный архив Национального музея Республики Карелия. Д. 1200. С. 189.

¹ Там же. С. 188.

мест появилась под говорящим заголовком «Как в доброе старое время». Автор рассказывал о том, как, прибыв на станцию Петрозаводск, он «по старому способу передвижения уселся в кабриолетку, старую, скрипучую всеми своими частями, как старик, потрудившийся за свою долгую жизнь, полную лишений и страданий» и «тихо плелся к родному дому». Спокойствие его было нарушено появлением пронесшейся навстречу тройки, которая везла «сидевшего козырем» офицера – «его благородие» с «кокардой на фуражке», черными усами, «рачьими глазами». Негативный образ высшего чина усилен сообщением о том, что с ним вдобавок ехали «дама и какая-то собачка». «Многое мы пережили, многое изменилось, но как-то характер “благородий” до конца веков остается прежним», – сетовал автор письма, упомянув, как проезжий офицер грозным окриком потребовал уступить ему дорогу. «Важнее всего и необходимо – принять немедленные и действенные меры к организации деревни, чтобы подобным окрикам не было места»¹, – заключил И. Галкин. Представления рядового об «уплотненном», «ускорившемся» социальном времени, основанные на его полугодовом опыте перемен в армейской жизни, пришли в противоречие с реальностью провинциальной повседневности.

О том, какой была обстановка в Олонецкой губернии летом 1917 г., свидетельствуют воспоминания А. Ф. Кожевникова, назначенного в конце июня губернским комиссаром Временного правительства. «Настроение масс круто менялось... Фронт пришел в текущее состояние – домой и из дома, и опять домой, и так без конца. Стали являться крестьянские ходоки с заявлениями о недостатке хлеба. Появились случаи захвата хлебных складов частных лесопромышленников на лесных заготовках». Особенно «грозным положением» назвал автор воспоминаний ситуацию, сложившуюся с продовольствием на р. Свирь, где «стали захватывать целые хлебные грузы». Источник сохранил упоминание о том, что «инициаторами и главными деятелями» в этих операциях были деревенские женщины, «забиравшиеся на судно, ложившиеся на палубу и заявлявшие, что ни за что отсюда не уйдут и судно вперед не пустят» [6, Л. 3].

Как подчеркивает московский исследователь В. Г. Безрогов, особой проблемой изучения культуры памяти становится рассмотрение тех моментов, когда коллективное и индивидуальное «начала» находятся во внутреннем противоречии друг с другом, когда «то, как об этом все говорят», и «то, что об этом знаю я лично», совершенно не совпадает. Такое противоречие можно проиллюстрировать детскими воспоминаниями уроженки с. Сорока К. А. Иойлевой (1927 г. р.), записанными в 2006 г. [23, С. 85–111], [20, С. 11–16]. Однако прежде обратимся к воспоминаниям участника революционных событий в Карельском Поморье бывшего красного партизана П. А. Добрякова, которые были записаны в начале 1930-х гг. ленинградской исследовательницей А. М. Астаховой. В них присутствует сюжет, связанный с арестом в конце сентября 1917 г. в д. Сорока А. Г. Агафелова, управляющего

---

¹ Галкин И. Как в доброе старое время // Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. 8 сент. 1917.

лесозаводами известной династии предпринимателей Беляевых¹ [11, С. 66–67], [34, С. 15–21].

Повествование Добрякова не выходит за рамки стереотипного для истории революционного движения в Карелии представления о том, что Агафелов неоднократно вызывал возмущение рабочих «пренебрежительным отношением к их нуждам, грубостью и холопской преданностью своим хозяевам», за что по настоянию рабочих был снят с должности в конце 1917 г. [12, С. 571]. По словам Добрякова, «на заводе Беляевых 37/38 контора главная была в Петербурге, а поэтому Беляев, как милостину, бросил надбавку рабочим в 50%», а к осени заводчики «костлявой рукой голода хотели заставить рабочих плясать под их дудку» [2, Л. 284–285].

Между тем групповая память рабочих сорокского завода сохранила совсем иное представление о владельце Беляеве и его управляющем. Так, К. А. Иойлева на вопрос, что она знала из истории с. Сорока будучи школьницей накануне Великой Отечественной войны, ответила: «Знала я про лесозаводы... Владелец был Беляев, который и меценат, и музыкант... Было у меня одно время непонимание, ...что в... очередях старичок погладит по голове паренька и говорит: “Ну, ты наш, беляевский”, а я думала, что это беляки... и удивлялась, почему этот Димка беляевский, беляк. А потом... кто-то мне разъяснил: беляевский – это значит потомственный рабочий завода. С уважением к этому относились. То есть, я знала, что Беляев был хороший. Управляющий был Агафелов, я эту тоже фамилию знала, и знала, что агафеловский отец сделал в Беломорске красивую черемуховую аллею. Потом ее вырубил, провели шоссе, трактора по нему лес возили. Люди с сожалением говорили, что человек старался...» [23, С. 99].

Сегодня все чаще обнаруживается стремление исследователей, изучающих раннесоветский период российской истории, опираться на «живые свидетельства» прошлого, которые, конечно, уже не могут «представлять» видение времени 1920-1930-х гг., но все же позволяют обратиться к «человеческому измерению» времени, рассмотрев его в «антропологическом ракурсе» [39, С. 5–24].

По наблюдениям исследователей, специфика того, что и как запоминается в ту или иную эпоху, и сама традиция воспитания памяти предполагают реконструкцию типовых мотивов и символических образов. Как и в воспоминаниях о Февральской революции, многие из таких мотивов присутствуют в российской глубинке в рассказах о послеоктябрьских событиях 1917 г. благодаря уже устоявшемуся в литературе, кино, публицистике, музыкальных и изобразительных источниках образу революции.

Примечателен в этом отношении рассказ С. С. Ракчеева, который подростком в течение года работал в Соловецком монастыре по родительскому обету. Так, он упоминает о попытке монахов скрыть известие о захвате власти большевиками и левыми эсерами и об установлении новой власти в Петрограде от сотни мальчиков-трудников, приехавших на Соловки из разных концов страны. «Соловецкий монастырь хорошо был осведомлен обо всех событиях, потому что на острове имелась радиостанция», — поясняет автор [3, Л. 17].

---

¹ Воля Севера. 29 сент., 18 окт. 1917.

Вспоминая в 1950-е гг. о событиях революции и Гражданской войны, Ракчеев пишет, что в июле 1918 г., вернувшись в родные вепские края после работы в Соловецком монастыре, он навещал «своих однокашников по обету» в д. Залесье на Иванов день (24.06 по ст. ст.), куда на деревенский праздник ходили и его родители. Встретившись там с земляками, родители смогли убедиться, что действительно из монастыря подростков «отпустили, а не удрали мы», воспользовавшись бурными переменами в жизни Поморья [3, Л. 16].

Как человек «новой формации», автор воспоминаний с возмущением рассказывает о том, насколько «чудовищной» выглядела просьба крестьян с. Горнее Шелтозеро «на фоне крестьянского голода». Оказывается, в январе 1918 г. «под влиянием местных богатеев и священника» они собрали сход и решили просить у волостных властей «много белой муки, пшена, сахару и других продуктов, чтобы... отпраздновать храмовый праздник села» [4, Л. 66]. Можно определить, что крестьяне готовились к большому храмовому празднику Сретенья (2.02 по ст. ст.), поскольку второй из особо почитаемых в селе праздников – Ильин день – приходился на летнее время [17, С. 42–43].

Ноябрь–декабрь 1917 г. оказались уникальным периодом в истории Петрозаводска. Отсюда на места посылались решения, которые делали Олонецкую губернию своего рода автономным образованием, не испытывавшим на себе давления центра и почти не выполнявшим декреты советской власти [10, С. 85]. Несмотря на решения Олонецкого губсовета, в городе и губернии продолжали действовать распоряжения губернского комиссара не существовавшего уже Временного правительства. До начала января 1918 г. у местных политических лидеров сохранялась надежда, что большевистский социальный эксперимент не будет иметь успеха в России. Но время шло, и надежды таяли.

Непросто разворачивались события в Пудожском уезде Олонецкой губ. В Бережнодубровской волости, где советская власть установилась 25 февраля 1918 г., через несколько недель вспыхнул мятеж. Жители, вдохновляемые местными зажиточными крестьянами, разогнали совет и отказались признать новую власть. Для подавления выступления потребовалось направить отряд красногвардейцев из Петрозаводска [16, С. 123–124]. После открытия навигации весной 1918 г. в Пудож пришлось снова отправиться рабочему П. К. Аксентьеву «для установления советской власти в уезде».

Пудожский уездный совет, как вспоминая об этом времени И. В. Матвеев сетовал, «был просто преобразован из уездной и городской земских управ». В совете «заседали кадеты, чиновники, для пушей важности в совет вошел правительственный уездный комиссар кадет Копосов». После того как Аксентьеву не удалось «изменить лицо этого совета», он решил направиться в те волости, которые не признавали советской власти и сохраняли свои волостные управы. К таким относились Кенозерская, Вершининская, Корбозерская, Колодозерская, Авдеевская и Шальская волости. Приехав в д. Усть-река Колодозерской волости, Аксентьев потребовал созвать волостной сход для организации совета. Лишь спустя три дня удалось собрать такой сход. Крестьяне пришли послушать «большевика из центра», но преобладающим среди собравшихся оставалось «враждебное отношение к советской власти». По словам Матвеева, во время выступления Аксентьев «не

сумел рассказать об Октябрьской революции» и о том, что она «дала трудящимся», а начал «с простой ругани кулаков и богачей» и «не мог разоблачить тех, кто был в волостной управе», т. е. «местных торговцев». Когда в помещении раздался ропот, агитатор заметил, что «кричат кулаки», и тут уже «действительно поднялся невообразимый гвалт», все «бросились к трибуне с криками “бей большевиков, наших злейших врагов!”». Аксентьев вынужден был выбежать и спастись от преследования у бедняка-крестьянина, который спрятал его на скотном дворе. Лишь вечером посланец из губернского центра смог выбраться из укрытия и пешком уйти в Пудож, а волостная управа «так и осталась существовать почти до начала июня 1918 г.» [5, Л. 24–24 об.].

В агитационную поездку в уездный г. Вытегра был направлен петрозаводский большевик А. С. Метелкин. И ему на заседании уездного совета, где присутствовали крестьяне из ближайших волостей, так же не удалось «овладеть аудиторией, чтобы изменить настроения в свою пользу». Агитатор был избит «кулаками и черносотенцами», кричавшими: «Дайте нам хлеба, долой болтунов, бездельников советских!» [5, Л. 25].

За три года Гражданской войны экономическое положение Карелии резко ухудшилось, продовольственные грузы, направлявшиеся из центра по ходатайствам Олонецкого губисполкома, нередко перехватывались другими исполнительными и чрезвычайными органами на соседних железнодорожных станциях, как это бывало в Званке. Сельское хозяйство губернии было не в состоянии обеспечить горожан и военных сельскохозяйственными продуктами. Петрозаводск все острее ощущал недостаток продовольствия, нормы выдачи продуктов населению с каждым месяцем уменьшались, цены на продовольствие росли. Тяжелое положение с продовольствием и топливом, безработица, эпидемии и разгул преступности привели к отъезду большого количества людей из губернского города. С перебоями функционировали немногочисленные городские предприятия.

Примечательны записанные в 1960-х гг. свидетельства жителя г. Олонец Петрова о своем военном детстве, проведенном в одной из деревень Южной Карелии поблизости от российско-финляндской границы. Он вспоминал, как в семилетнем возрасте оказался очевидцем непонятных для него частых ночных отъездов из дома его отца, охотника-любителя, вместе с односельчанином-соседом. После того, как вернувшийся с ружьем отец как-то раз привез мешок ржи, ребенку все же удалось добиться объяснения постоянных отлучек: «Вот что, сынок, мы живем недалеко от границы, там другое государство, и вот они приезжают сюда оттуда, везут разные тряпки, особенно курево и т. д., а от наших зажиточных крестьян берут хлеб, т. е. рожь, которой у нас не хватает. Вот дядя Петя и устраивает захваты этих контрабандистов, а как оружия у нас нет, вот он меня и берет с собой с этим двенадцати-калиберным... Вот мы их и пугаем, этих незваных заграничных гостей» [7].

Привнесенное годами войны восприятие поведения «человека с ружьем» как нормы сказывалось на повседневной жизни и на образе мыслей гражданского населения. Однако даже в обстановке катастрофической нехватки продовольствия в уездах Олонецкого края,

где с 1917 г. существовал запрет губернских властей вывозить продукты в соседнюю Финляндию, такие самочинные крестьянские меры по «восстановлению справедливости» все же оказывались поступками сомнительной направленности, которые надо скрывать, и крестьяне это осознавали. Не случайно замечание автора воспоминаний о том, что «отец долго не хотел говорить». В дальнейшем же подобные акты, явно противоречившие представлениям мирного времени о законности, получили совершенно иную интерпретацию.

Исследование отразившихся в источниках реалий карельской повседневности периода Гражданской войны позволяет сделать шаг к пониманию того, как могло случиться, что односельчане, веками свято относившиеся к чужой собственности, не имевшие замков на дверях и подпиравшие их коромыслом, когда нужно было показать, что хозяев нет дома, – теперь становились участниками насильственных реквизиций соседских запасов и доносили как «белым», так и «красным» о появлении в деревнях «опасных» для них «лазутчиков» из своих же земляков.

Социальная практика периода «военного коммунизма» способствовала тому, что закон, особенно тот, что был установлен прежним, уже рухнувшим правительством, люди начинали воспринимать все более негативно, а понятие «справедливости» оказывалось в их представлениях стоящим выше «закона». Об одном из таких актов «восстановления справедливости», осуществленном вопреки «старым» законам, вспоминает бывший фронтовик с. Большие Горы Олонецкого уезда И. П. Медников.

Опираясь на силу оружия, полученного у пограничников, крестьяне постановили отобрать церковную землю, хотя, по словам автора воспоминаний, местный батюшка «агитировал» против, ссылаясь на «священный характер» владения ею. Было принято решение землю распределить между бедными, а «попу можно оставить огород под картошку», поскольку «землю священник обрабатывал не сам, а с помощью батраков» [14, С. 146]. Так революционное «правотворчество» утверждало верховенство справедливости над законом.

Если в 1914 г. вступление России в Первую мировую войну повлияло на пробуждение памяти жителей Архангельской и Олонецкой губерний об имперском расширении и завоеваниях, изменило восприятие Карелии как места противостояния Востока и Запада, то в годы российской революции 1917 г. и Гражданской войны можно наблюдать смену приоритетов в коллективной и индивидуальной памяти жителей края, включение процессов припоминания и забывания. Теперь востребованной становилась память о причастности рассказывающего к протестным действиям против «старого мира» и исторических личностей, его олицетворявших.

Актуализировалось и желание человека самому остаться в памяти соратников, хотя бы даже ценой мученической гибели. Судьба «маленького человека» таким образом оказывалась возвышенной до аналогии с христианским подвигом мученичества, хотя, одновременно, декларируемый отказ от христианских ценностей вел к демонстрации «вседозволенности». Олончанин Петров семилетним мальчиком оказался свидетелем того, как в канун праздника Пасхи 1919 г., за день до вторжения финнов в южную Карелию, в

одной из деревень красноармейцы-пограничники шумно веселились, составив оркестр из всего, что попало под руку: гармошки, гитары, балалайки, «даже от печки взяли заслонку и начали играть, и такую шумную затеяли игру, что наш деревянный домик ходуном заходил, а я от радости кружился по полу как волчок». Увещевания бабушки, которая попыталась прекратить эту потеху, затеянную в Страстную Субботу, приятель автора воспоминаний – «дядя Петя» – парировал следующими словами: «Знаете что, старуха, у вас завтра Пасха, Иисус Христос воскреснется, а нас наоборот, если что, мы никогда не воскреснемся, а люди, вот как твой внук, будут вспоминать, какие мы Иисусы Христы» [7]. Однако нарочитая демонстрация безразличия к отвергаемым духовным ценностям и неуважения к религиозным чувствам населения не добавляли в глазах взрослых авторитета сторонникам переустройства деревенской жизни. Как пишет Петров, «тут бабушка рассердилась, хватя меня за ухо», потащила «на второй этаж и бурчит: ты тоже хочешь быть такими антихристами, как эти?» [7]. Разделение земляков на «нас» и «этих», «своих» и «чужих» в условиях острейшего общественного противостояния было налицо.

Сохранилось воспоминание жителя Заонежья А. П. Вавилина о трех красногвардейцах, посаженных белыми в карцер «за святотатство». «Когда они находились в поповском доме, из ряса нашили себе кисетов, один пояс сделал. А другой – курица не было – так евангелю на бумагу для курицы разорвал. Так вот их и привлекли» [1, Л. 300]. Подобные извращенные образы «мучеников» заменили место привычных ранее – пострадавшими здесь считались кощунники.

Образ смерти и постоянная ее угроза стали важнейшим элементом в механизмах запоминания/воспоминания отдельного человека и целых социальных групп и сообществ. Обеспечивая идентичность определенной группы, коллективная память фиксировала определенные события прошлого (причем не только реально происшедшие) и стирала из памяти группы те события, которые способны нарушить целостность группы и «консенсус» внутри нее.

Поддерживаемая семейным опытом, коллективная память простирается за границы автобиографической памяти и осуществляет трансляцию знаний о прошлом от одного поколения к другому. Изучение проблем исторической памяти как «комплекса разделяемых данным сообществом мифов, традиций, верований, представлений о прошлом»¹ показывает, что в раннесоветский период эти мифы и представления, воспринимавшиеся как достоверные воспоминания, сыграли важную роль в складывании и поддержании коллективной идентичности жителей Российской Карелии.

Список источников и литературы:

1. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 85.
2. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 110.
3. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 74.
4. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 75.

---

¹ Ретина Л. П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории. М. 2008. С. 7–18.

5. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 128.
6. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 150.
7. НА КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция. Воспоминания о гражданской войне 1918–1919 гг., записанные олончанином Петровым в 1960-х гг.
8. «За Советскую Карелию»: 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск. 1963.
9. Антощенко А. В., Волохова В. В. Монументальный образ «провинциальной» столицы (прогулка по центру Петрозаводска) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск. 2008. С. 393–411.
10. Баданов В. Г., Гнетнев К. В. Финансы Карелии. Петрозаводск. 2002.
11. Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга: исторический справочник. СПб. 2000.
12. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: сборник документов. Петрозаводск. 1957.
13. Булдаков В. П. Революция и гражданская война как травма исторической памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. Вып. 4. 2007. С. 98–132.
14. В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск. 1957.
15. В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л. 1932;
16. Великий Октябрь в Карелии: хроника, документы, воспоминания. Исторический очерк. Петрозаводск. 1987.
17. Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (кон. XIX–нач. XX вв.). Петрозаводск. 1996.
18. Витухновская-Кауппала М. А. Карельский крестьянин в горниле гражданской войны 1917–1922 // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв.: сборник статей. Петрозаводск. 2013. С. 212–235.
19. Витухновская-Кауппала М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России: 1905–1917. Хельсинки, СПб. 2006.
20. Голубев А. В. Нарративная стратегия в биографическом рассказе // Устная история в Карелии. Петрозаводск. 2006. С. 11–16.
21. Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 г. и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск. 2016.
22. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны. СПб. 2017.
23. Интервью с Кларой Александровной Иойлевой // Устная история в Карелии. Петрозаводск. 2006. С. 85–111.
24. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск. 2001.
25. История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск. 2008.
26. Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М. 2000.
27. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической революции 1917 года. СПб. 2001.
28. Константин (Горянов), митр. Апокалипсисы революций. СПб. 2018.
29. Мальшева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань. 2005.
30. Митрофанов А. М. Записки старого петрозаводчанина. Петрозаводск. 1987.
31. Нарский И. В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной...»: фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск. 2007.
32. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–22 гг. М. 2001.
33. Нарский И. В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 222–223.
34. Пашков А. М. Петербургские лесопромышленники Беляевы и их предпринимательская деятельность на Севере России // История Петербурга. 2007. № 3 (37). С. 15–21.

35. Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906–1917): документы и материалы / Сост. Н. А. Кораблев, В. Г. Баданов. Петрозаводск. 2013.
36. *Ретина Л. П.* Историческое сознание в пространстве культуры: проблемы и перспективы исследования // *Время – история – память. Историческое сознание в пространстве культуры: сборник статей.* М. 2007.
37. *Ретина Л. П.* Память о прошлом и история // *Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории.* М. 2008. С. 7–18.
38. *Румянцева М. Ф.* «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* Вып. 21. 2007.
39. *Стрекалова Е. Н.* Историческая память и устная история в исследовательском поле Великой Отечественной войны // *Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России.* СПб. 2008. С. 5–24.
40. *Терещенков Л. Е.* Изучение революции 1917 г. и гражданской войны в Карело-Мурманском регионе в системе историко-партийных учреждений 1920–1930-х гг. // *Дис... канд. ист. наук.* Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск. 2011.
41. *Трошина Т. И.* Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск. 2014.
42. *Федосов А. В.* Функции полиции Олонецкой губернии в годы Первой мировой войны // *Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия.* Вып. 5 (60). Петрозаводск. 2017. С. 29 – 30.
43. *Филимончик С. Н.* Роль научно-исследовательских институтов Карелии в развитии гуманитарных наук в 1930-е гг. // *Труды Карельского научного центра РАН.* 2010. № 4. Гуманитарные исследования. Вып. 1. С. 103–114.

The Russian October Revolution of 1917 and the Civil War in the Historical Memory of the Karelian Population

*Elena Yuryevna Dubrovskaya (Petrozavodsk)
Karelian Research Center of RAS, Petrozavodsk State University*

The author investigates the mechanism of formation of the collective memory of the Karelian Population at a borderland after the October revolution in 1917. She uses the witnesses' memories about the events of a revolutionary upheaval, military intervention and the Civil war in 1918-1920. The massive destabilization of the social identity of people had place in the Olonets and Kem regions of the Arkhangelsk province in the period of socio-political changes. The emotional reactions at the time in extreme situations becoming daily reflected in the individual and collective memory of the inhabitants. These perceived as true memories myths and ideas played an important role in development and maintenance of the collective identity of the inhabitants of the Russian Karelia.

Key words: Russian history, the history of the Russia after 1917, Karelian Borderlands, Olonets region, collective memory, February revolution 1917, October revolution 1917, Civil war, memoirs, Petrozavodsk, Belomorsk, Karelian seaboard, social and political changes.